

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Военному и морскому духовенству къ свѣдѣнію.

1.

О. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства приглашаетъ подвѣдомыхъ священно-церковно-служителей на братское собраніе, имѣющее быть 11-го числа текущаго мая мѣсяца, въ помѣщеніи Канцеляріи (уголь Фурштатской и Воскресенскаго) въ 7 часовъ вечера.

2.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, напечатаннаго въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ 13-го апрѣля 1891 года № 15, ежегодно 9-го мая производится въ православныхъ церквахъ столичныхъ и приморскихъ городовъ Россіи, кружечный сборъ пожертвованій на нужды состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕСДОРОВНЫ, ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества спасанія на водахъ.

Предписывается подвѣдомому духовенству и въ текущемъ году произвести 9-го текущаго мая означенный сборъ пожертвованій.

3.

Празднованіе столѣтняго юбилея военно-духовнаго управления.

Четвертаго числа минушаго апрѣля исполнилось сто лѣтъ со дня учрежденія отдѣльнаго управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ. Согласно порядку празднованія, объявленному въ № 7 «Вѣстника воен. дух.» (1900 г.), торжество, падавшее на одинъ изъ дней страстной недѣли, было перенесено на третій день Пасхи.

11-го апрѣля въ домовой церкви О. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства было совершено торжественное Богослуженіе самимъ маститымъ начальникомъ военно-духовнаго управленія Протопресвитеромъ А. А. Желобовскимъ, въ сослуженіи настоятеля Адмиралтейскаго собора, протоіерея А. А. Ставровскаго, протоіерея Преображенскаго всей гвардіи собора І. А. Философова, свящ. Сергіевскаго всей артиллеріи собора І. В. Морева и свящ. домовой церкви Протопресвитера в. и морск. дух. Ѳ. А. Боголюбова.

Храмъ былъ полонъ богомольцами, среди которыхъ преобладало военное духовенство изъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ; было также немало видныхъ представителей военного сословія: членъ Военнаго Совѣта графъ Ив. Д. Татищевъ, начальникъ Главнаго Штаба ген.-лейт. В. В. Сахаровъ, начальникъ штаба С.-Петербургскаго в. округа Г. Р. Васмундъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Г. Ив. Бобриковъ, вице-адмиралъ Вл. П. Верховскій, генералъ Л. Канищевъ, графъ Адлербергъ, ген.-м. Корсаковъ, ген. Родзянко, и др. Присутствіе выдающихся дѣятелей военнаго и морского вѣдомствъ служило живымъ свидѣтельствомъ общественнаго признанія вѣковыхъ заслугъ военныхъ пастырей предъ Церковью, Царемъ, Отечествомъ и Русскимъ воинствомъ.

Выясненію религіозно-нравственнаго значенія юбилейнаго торжества были посвящены духовныя рѣчи—О. Протопресвитера А. А. Желобовскаго и о. Морева.

Въ словѣ предъ молебномъ краснорѣчивый глава воен. и морск. дух. живо очертилъ силу православной вѣры, какъ живительнаго источника, которымъ питаются лучшія качества русскаго солдата, и рельефно изобразилъ дружную дѣятельность военнаго начальства и военныхъ пастырей въ цѣлостномъ и всестороннемъ проведеніи религіозно-воспитательнаго начала въ условія жизни арміи и флота. Рѣчь высокопоставленнаго оратора дышала глубокой вѣрой въ идеальныя качества нравственной природы русскаго солдата, звучала убѣжденнымъ признаніемъ драгоценныхъ свойствъ истиннаго товарищества, какое присуще нашему военному сословію,—была проникнута свѣтлымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ плодотворности и силѣ военно-пастырской дѣятельности и одушевлена горячимъ призывомъ къ самоотверженному служенію высокой идеѣ христіанскаго пастырства въ военной средѣ.

«Юбилей», говорилъ О. Протопресвитеръ, берутъ свое начало въ самой глубокой древности, они извѣстны даже во времена библейскія и благословлены Богомъ.

Нашъ сегодняшній юбилей имѣетъ, по моему разумѣнію, особенное значеніе. Онъ касается быта и жизни войска. Могущество государства зависитъ не столько отъ количества войска, сколько отъ нравственныхъ его качествъ, именно, отъ любви къ Богу и Церкви, отъ беззавѣтной преданности Царю и Отечеству. Армія, которая владѣетъ этими духовными сила-

ми, самая могучая армія, и русскій солдатъ насколько храбръ, настолько и великодушень: съ побѣжденнымъ врагомъ онъ дѣлитъ послѣдній кусокъ сухаря.

Высокимъ качествамъ русскаго воина дивились и дивятся даже наши недруги.

Кто воспиталъ и воспитываетъ эти безцѣнные добродѣтели въ нашихъ защитникахъ Отечества? Вѣра и Церковь, черезъ своихъ ближайшихъ служателей, военныхъ пастырей, которые во всѣ тяжелыя годы испытаній для нашего отечества выдвигали изъ своей среды самоотверженныхъ героевъ, ободряющихъ на войнѣ, утѣшающихъ въ госпиталяхъ, услаждающихъ послѣднія минуты раненыхъ на полѣ битвы. — Въ Отечественную, Крымскую и послѣднюю турецкую войну цѣлыя десятки іереевъ Божіихъ нашли себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія на чужбинѣ, раздѣляя труды съ своими духовными дѣтьми. Времена исповѣдниковъ и мучениковъ напоминаетъ намъ своей крѣпкой вѣрой въ промыслъ Божій, святой ревностью къ молитвѣ церковной и къ защитѣ святыни среди ужасовъ пылавшей въ 1812 г. Москвы протоіерей Кавалергардскаго полка о. Михаилъ Гратинскій. Скрывшись въ домѣ, гдѣ была церковь, онъ «рѣшился при французскихъ офицерахъ, съ колѣно-преклоненіемъ отправить Господу Богу молебствіе о благопослѣщеніи христіолюбивому россійскому воинству къ изгнанію изъ сей древней столицы лютаго супостата. «Въ намѣреніи укрыться отъ непріятели, не избѣжали мы грабительства», говоритъ о себѣ о. Гратинскій, «противу дома Лобанова; окружены были злодѣями, гдѣ варварскими руками сорванъ былъ съ меня крестъ, Всемилостивѣйше Государемъ Императоромъ пожалованный, отняты часы, платье, бумажникъ съ деньгами и аттестатомъ на полученіе фуража. Послѣ сего съ такимъ же остервененіемъ сорвана была съ меня дарохранительница, носимая мною на лентѣ на шеѣ; къ заступленію за священный залогъ сей Всевышній, при всемъ отчаяніи моемъ, внушилъ мнѣ духъ умолять злодѣевъ со слезами на колѣняхъ о возвращеніи ея мнѣ, такъ что, когда они уже начали раскрывать, то я при всемъ народѣ воззвалъ: «Всемогущій правосудный Боже! Самъ за Себя вступи!» И въ ту минуту непріятель же, идущій мимо, отнял ее у варваровъ и отдалъ мнѣ обратно». Ревностный пастырь получилъ отъ французовъ дозволеніе открыть Богослуженіе въ одной изъ московскихъ церквей (св. мученика Евпла) и для безопаснаго отправленія службъ Божіихъ испросилъ себѣ караулъ и билетъ: въ самый день коронаціи Императора Александра

Павловича, при многочисленномъ, по первому удару въ колоколь, стеченіи всего народа, оставшагося въ Москвѣ, о. Гратинскій совершилъ молебствіе о здравіи Монарха русскаго и всей его Императорской фамиліи; молитва была сердечная, пламенная: вся церковь омыта была слезами.

Бывшій настоятель Сергіевскаго всей артиллеріи собора, протоіерей П. О. Мевчиць имѣлъ пожалованный отъ Австрійскаго Императора за Венгерскую кампанію 1848 г. крестъ—съ надписью, «Virtuti militari» за самоотверженные труды по уходу за ранеными.

Въ Восточную войну 1853—1856 гг. прот. Могилевскаго полка І. М. Пятибиковъ, при кровопролитномъ штурмѣ турецкихъ батарей на Дунаѣ, когда войска наши, потерявъ многихъ начальниковъ, дрогнули и смѣшались, возложилъ на себя епитрахиль и, взявъ въ руки св. крестъ, какъ знаменіе побѣды, выступилъ впередъ солдатъ, окропилъ ихъ св. водою и съ словами: «Съ нами Богъ, ребята, и да расточатся враги Его... Родимые, не посраимъ себя! Сослужимъ службу во славу Церкви, въ честь Государа и на утѣщеніе нашей матушки Россіи! Ура!!» и въ переднихъ рядахъ, съ крестомъ въ рукахъ, устремился на враговъ, въ первыхъ же рядахъ взощель на стѣны укрѣпленія, при чемъ получилъ двѣ контузіи въ грудь; отъ св. креста совершенно была отбита пулей правая сторона и бывшая на немъ епитрахиль разорвана картечью. Императоръ Николай Павловичъ сопричислилъ о. Пятибикова къ ордену св. Георгія 4 ст., со внесеніемъ въ дворянскую родословную книгу С.-Петербур. губ. (Историческая записка объ управленіи воен. и морск. дух. стр. 141 и 149—150). Немало было и другихъ героев-пастырей: имена ихъ начертаны въ лѣтописяхъ военной исторіи.

Въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго солдата, пастырямъ военнымъ всегда помогали гг. офицеры, особенно начальники частей. Глубоко понимали они, какое великое значеніе имѣетъ религія въ военномъ быту, и старались нижнимъ чинамъ внушать любовь къ Богу и Церкви. Примѣрами своими показывали *самоотверженіе* и *состраданіе*... Сколько *несчастныхъ круглыхъ сиротъ* воспитывается на средства гг. офицеровъ, *далеко* необладающихъ богатствомъ.... Свыше сорока лѣтъ служа въ военномъ вѣдомствѣ, я видѣлъ *не мало примѣровъ*, какъ любовно гг. офицеры относятся къ осиротѣлымъ семьямъ *священниковъ*, какъ чтать они юбилейные дни *старыхъ* фельдфебелей, захмистровъ, церковниковъ... До слезъ умилительно...

Съ многолѣтняго опыта позволяю сказать, что ни въ одномъ сословіи нѣтъ такого товарищества, дружества, такой сердечности, какъ въ военномъ... Военные люди и горе и радости дѣлать охотно...

Послѣднее слово къ вамъ, мои возлюбленные собратія и сослуживцы.

Наши предмѣстники, военные пастыри, самоотверженно служили Богу, Царю и воинству, далеко не пользуясь тѣми удобствами жизни, какія имѣемъ мы. Теперь многое улучшилось: и пути сообщенія, и матеріальное, и служебное положеніе.

Нашъ нравственный долгъ усугубить ревность, и быть пастырями вполне достойными высокаго своего призванія. Сего искренно желаю, и о семъ усердно молю Бога воинствъ».

Слово о. Морева, въ концѣ литургіи, имѣло главнымъ своимъ предметомъ религіозно-просвѣтительную дѣятельность военнаго духовенства, какъ она исторически обрисовалась въ трудахъ высшихъ представителей военно-духовнаго управленія и въ жизни военныхъ пастырей ¹⁾.

Въ концѣ благодарственнаго молебна за многолѣтіемъ Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященному Антонію и Протопресвитеру военнаго и морского духовенства, была провозглашена вѣчная память усопшимъ Государямъ, начиная съ Императора Павла I, положившаго начало существованію отдѣльнаго военно-духовнаго управленія, а также всѣмъ усопшимъ военнымъ пастырямъ и воинамъ, за вѣру и отечество на брани животь свой положившимъ.

На трапезѣ, въ квартирѣ О. Протопресвитера, было сказано немало тостовъ и рѣчей за успѣхъ дѣла военно-духовнаго пастырства, его главнаго руководителя и рядовыхъ дѣятелей.

Тостъ за Государя Императора былъ произнесенъ О. Протопресвитеромъ А. А. Желобовскимъ и принятъ всѣми присутствующими восторженно, при пѣніи гимна: «Боже, Царя храни».

Затѣмъ О. Протопресвитеръ провозгласилъ тостъ за Великаго Князя Владиміра Александровича, всегда сочувствующаго нуждамъ христіанскаго воинства и его духовныхъ руководителей.

Далѣе О. Протопресвитеръ пожелалъ долгоденствія и благоденствія Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и Г. Военному

¹⁾ Помѣщена въ части неофіціальной этого же 9-го выпуска.

Министру А. Н. Куропаткину и Управляющему Морскимъ Министерствомъ Н. П. Тыртову, отечески пекущимся о военныхъ пастыряхъ и ихъ паствѣ.

Ген.-лейт. В. В. Сахаровъ, отдавая дань военному духовенству за честно исполняемый долгъ служенія, благодарилъ военныхъ пастырей въ лицѣ ихъ главы и начальника О. Протопресвитера. По авторитетному свидѣтельству почтеннаго оратора, военное духовенство всегда находилось и находится на высотѣ своего призванія, безупречно исполняя свои обязанности, съ чѣмъ свидѣлствуютъ единогласныя донесенія начальниковъ отдѣльныхъ воинскихъ частей. Мало того, военное духовенство нерѣдко показывало примѣры мужества, рыцарской храбрости во время военныхъ дѣйствій, а главное, словомъ увѣщанія, рѣчью отъ чистаго сердца и личнымъ поведеніемъ научало солдата безропотно переносить всѣ тяжести походной службы, а на войнѣ храбро сражаться и побѣжденнаго врага шадить.

Генераль-лейтенантъ Г. Р. Васмундъ, начальникъ штаба Петербургскаго военнаго округа, заявилъ, что онъ почтетъ нравственнымъ долгомъ доложить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу, какъ высоко цѣнить военное духовенство отеческія Его заботы о религіозныхъ нуждахъ воинскихъ чиновъ. Далѣе генераль высказалъ желаніе полнаго успѣха военному духовенству, и его Протопресвитеру, проявившему административную способность въ управленіи военнымъ духовенствомъ, разсѣяннымъ по неизмѣрному пространству нашего обширнаго отечества.

Вице-адмираль В. П. Верховскій почтилъ собраніе слѣдующими глубоко прочувственными словами:

«Собираясь высказать нѣсколько мыслей, по поводу настоящаго торжества, я смущаюсь говорить въ присутствіи освященнаго собора и его витій, блестящимъ представителемъ которыхъ состоитъ самъ хозяинъ этой трапезы.

Смушеніе это, однако, преодолевается глубиною чувствъ и желаніемъ высказаться передъ собраніемъ.

До послѣднихъ дней, для меня было не понятно, какъ и какими путями Протопресвитеръ выполняетъ свои обязанности на огромномъ пространствѣ всего Русскаго Царства; для меня было не ясно—чѣмъ можетъ обнаруживаться дѣятельность Протопресвитера и какъ она выражается въ средѣ священниковъ военнаго вѣдомства и ихъ паствы. Мое недоумѣніе продолжалось, пока я не прочелъ «исторической записки объ управленіи военнымъ и морскимъ духовенствомъ за минувшее столѣтіе».

Тогда мнѣ сдѣлалось ясно, въ чемъ заключается сила Протопресвитера. Я понялъ, чѣмъ онъ дѣйствуетъ, понялъ, почему его дѣятельность существенна и не зависитъ отъ огромныхъ пространствъ. Эти средства — любовь къ ближнему, преданность къ своему долгу; средства эти въ своемъ развитіи безпредѣльны, и въ дѣятельности управленія Протопресвитеръ не ставитъ имъ границъ.

Изъ этого сознанія я убѣдился, что Протопресвитеръ въ своемъ исповѣданіи предъ Господомъ въ любви къ Богу и ближнему, искренно и горячо говоритъ Создателю «широка заповѣдь твоя зѣло, и рабъ твой возлюблю ю».

Конечно, одинъ въ полѣ не воинъ, и у Протопресвитера много содѣятелей, но указанія, распоряженія идутъ сверху, отъ него.

Утѣшаясь настоящею благотворною обширною дѣятельностію Протопресвитера, обратимся молитвенною мыслию къ Богу о дарованіи Александру Алексѣвичу долгихъ лѣтъ, крѣпости силъ, процвѣтанія и развитія всѣхъ его святыхъ трудовъ и начинаній».

Затѣмъ О. Протопресвитеръ благодарно напомнилъ о двухъ дѣятеляхъ по выработкѣ новаго положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ — именно: о заслуженномъ профессорѣ Спб. Духовной Академіи Т. В. Барсовѣ и ктиторѣ церкви Главнаго Штаба генералъ-маіорѣ В. И. Афанасьевѣ.

Профессоръ Тимошей Васильевичъ Барсовъ, въ отвѣтъ на воспоминаніе о его трудахъ въ дѣлѣ составленія новаго положенія объ управленіи военнымъ и морскимъ духовенствомъ, указалъ на особенно характерные моменты развитія идеи объ образованіи отдѣльной корпораціи военно-морского духовенства подъ главенствомъ Протопресвитера на правахъ самостоятельнаго начальника, съ Духовнымъ при немъ Правленіемъ, приравниваемымъ по своему положенію къ духовнымъ консисторіямъ. По его твердому убѣжденію, во главѣ военнаго духовенства можетъ стоять только военный священникъ, близко знакомый со всѣмъ строемъ военной жизни.

Профессоръ отмѣтилъ цѣнную заслугу О. Протопресвитера А. А. Желобовскаго, какъ инициатора учрежденія особаго печатнаго органа, въ которомъ всесторонне отражается дѣятельность военнаго и морского духовенства, и пожелалъ «Вѣстнику воен. духовенства» дальнѣйшаго процвѣтанія, закончивъ свою рѣчь выраженіемъ надежды, чтобы военное духовенство, параллельно росту русской арміи, развивало свою дѣятельность въ строгомъ соотвѣтствіи и согласіи.

Искренними, добрыми пожеланіями военному духовенству дышала краткая, но сильная рѣчь Директора Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ Петра Ивановича Остроумова.

Въ концѣ трапезы О. Протопресвитеръ въ выраженіяхъ любви и благодарности провозгласилъ тостъ за здоровье ктиторовъ и старость военныхъ церквей, которые немало употребляютъ трудовъ и средствъ на основаніе и благоустройство военныхъ храмовъ.

Вечеромъ въ день празднованія юбилея, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее выраженіе чувствъ глубокой преданности и благоговѣйной благодарности за всѣ Высочайше дарованныя военному и морскому духовенству милости, О. Протопресвитеръ былъ осчастливленъ Высокомиловитыми Царскими словами, переданными въ телеграммѣ чрезъ Г. Военнаго Министра изъ Московскаго Кремля: «Государь Императоръ *сердечно благодаритъ Ваше Высокопреподобіе за выраженныя чувства*». Генераль-лейтенантъ Куропаткинъ».

Отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ по случаю юбилейнаго торжества были получены привѣтственные телеграммы и поздравительныя письма. Генераль-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ привѣтствовалъ О. Протопресвитера телеграммой: «Приношу Вашему Высокопреподобію сердечное поздравленіе со столѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности управленія военнаго и морскаго духовенства. Генераль Куропаткинъ».

Финляндскій генераль-губернаторъ Н. И. Бобриковъ съ глубокой сердечностью откликнулся на юбилей телеграммой слѣдующаго содержанія:

«Глубокочтимый Александръ Алексѣевичъ!

Приношу Вашему Высокопреподобію и всему подвѣдомому Вамъ духовенству сердечное поздравленіе съ многознаменательною столѣтнею годовщиной. Да благословитъ Господь Богъ дальнѣйшій, на грядущія времена, успѣхъ управленія военно-морскимъ духовенствомъ, и да подастъ силъ главному надъ нимъ начальству вести его и впредь, какъ и по нынѣ, на радость Царю, на утверженіе истинной вѣры, на славу и гордость арміи и флота.

Генераль-адъютантъ Бобриковъ».

Отъ Генераль-лейтенанта Георгія Ивановича Бобрикова получено глубокочувственное письмо, замѣчательное по широтѣ и правильности высказываемыхъ въ немъ взглядовъ.

«Сто лѣтъ прошло», пишетъ генераль Бобриковъ, какъ, въ сознаниі необходимости, создалось военное духовенство. Много было, въ теченіе этого длиннаго періода, достойныхъ въ немъ пастырей, изъ которыхъ одни жизнь свою положили, осѣняя крестомъ православную рать въ бою, или подъ выстрѣлами утѣшая страждущихъ и напутствуя умирающихъ; но не менѣ славы приобрѣли и тѣ другіе, которые въ военное и мирное время, презирая смертную опасность, самоотверженно трудились во время страшныхъ эпидемій въ войсковыхъ лазаретахъ и карантинахъ. Велика всѣхъ ихъ заслуга и славна ихъ память; метеорами освѣщаютъ они скрижали войсковыхъ лѣтописей!..

Дѣятельность военнаго духовенства не исчерпывается, однако, этими блестящими событіями; много, гораздо больше, было въ немъ скромныхъ тружениковъ на Божьей нивѣ развитія нравственныхъ силъ во вѣренныхъ ихъ духовному руководительству людяхъ. Широка эта дѣятельность, объемлющая не только весь обиходъ жизни войсковыхъ частей, но и всю обстановку народной среды, куда возвращаются люди послѣ службы съ тѣми нравственными совершенствами и достоинствами, которые успѣли привиться къ нимъ стараніями и умѣньемъ войскового начальства и духовнаго пастыря по преимуществу. Велика и почтенна дѣятельность военнаго духовенства, неустанно работавшаго—и работающаго на поприщѣ нравственнаго просвѣтленія своей паствы. Да будетъ благословенна эта работа и да сохранитъ Всевышній еще на долгіе годы силы и крѣпость его пастыреначальника, маститаго Протопресвитера О. Александра Алексѣевича Желобовскаго!»

Весьма характерно и глубоко по содержанію письмо начальника Императорской военно-медицинской академіи Виктора В. Пашутина, приводимое здѣсь въ извлеченіи: Ваше Высокопреподобіе, Милостивый Государь Александръ Алексѣевичъ!

«Очень огорченъ, будучи вынужденнымъ лишить себя благопріятнаго случая провести время въ средѣ столь избранныхъ представителей духовенства, ибо вполне раздѣляю мысль, Вами высказывавшуюся, что врачи тѣла и врачи духа—лишь соратники общаго дѣла и должны стремиться къ возможному единенію. Съ удовольствіемъ могу отмѣтить, что грань, столь рѣзко раздѣлявшая когда то естествознаніе, съ его дочерью—медициной, отъ тѣхъ основъ, на которыхъ зиждутся наши религіозныя воззрѣнія, все болѣе и болѣе сглаживается. Виталистическое ученіе, нынѣ возродившееся въ самомъ же естествознаніи подъ именемъ «неовитализма», неуклонно завое-

ывааетъ себѣ почву въ медицинской наукѣ и является мостомъ, тѣсно соединяющимъ обѣ колоссальныя сферы мышленія—о тѣлѣ и духѣ.

Прошу принять отъ меня, какъ члена одной и той же военной семьи, сердечнѣйшее привѣтствіе по случаю исполнившагося столѣтія управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ, а равно и пожеланіе этому духовенству все болѣе и болѣе развивать его столь благотворное вліяніе на нашихъ самоотверженныхъ воиновъ».

Привѣтствовали О. Протопресвитера съ юбилейнымъ духовнымъ торжествомъ:

1) Членъ Государственнаго Совѣта графъ Н. П. Игнатьевъ: «Мысленно съ Вами на молебнѣ и отъ души желаю Вамъ долгодѣтельнаго продолженія Вашей полезной церковной и патріотической дѣятельности. Да дастъ Всемогущій Вамъ доброе здоровье на многія лѣта!»

2) Членъ Государственнаго Совѣта графъ Ал. П. Игнатьевъ: «Досточтимый и искренно любимый Отецъ Александръ Алексѣевичъ! Примите, дорогой Отецъ Духовный, мое заочное привѣтствіе по случаю юбилейнаго торжества Вашего управленія и лучшія пожеланія дальнѣйшаго преуспѣянія подъ мудрымъ и сильнымъ Вашимъ водительствомъ на пользу св. Церкви православной и многочисленной Христолюбивой паствы Вашей».

3) Завѣдывающій Контролемъ Императорскаго Двора тайный совѣтникъ В. Мерцаловъ: «Позвольте письменно принести сердечное поздравленіе въ этотъ радостный день и вмѣстѣ съ тѣмъ горячее пожеланіе, да продлитъ Всеблагій Господь драгоцѣнные дни Ваши на благо ввѣреннаго Вамъ вѣдомства и дальнѣйшее насажденіе и укрѣпленіе любви, которою согрѣта Ваша дѣятельность и которая грѣетъ и радуетъ всѣхъ Вашихъ духовныхъ чадъ».

4) Управляющій Дѣлами Капитула орденовъ Н. Н. Пановъ: «Душевно желаю дальнѣйшаго процвѣтанія управленію Военнаго и Морскаго Духовенства, а Вамъ прочнаго здоровья на многіе годы, чтобы Вы могли своимъ разумнымъ и неуспыннымъ трудомъ приносить благотворную пользу какъ Военному Духовенству, такъ и нравственному развитію всего Россійскаго воинства».

5) Генераль-лейтенантъ Вл. Г. Глазовъ: «Убѣдившись, сколь важна единая воля правленія въ заботахъ о почтенномъ сословіи нашихъ духовныхъ отцевъ, вѣрую въ преуспѣяніе ихъ, при благословенномъ просвѣщен-

номъ руководить Вашего Высокопреподобія, которое да продлится многіе годы».

б) Полковникъ Пущинъ: «Новоархангельскій полкъ сыновне приноситъ поздравленіе Вамъ съ высокознаменательнымъ юбилеемъ, достойнымъ представителемъ котораго являетесь Вы, Высокоуважаемый Пастырь нашъ».

Письменные поздравленія получены были также отъ управляющаго Морскимъ Министерствомъ Вице-адмирала П. Петр. Тыртова, отъ Генерала отъ Артиллеріи А. Н. Говорухи и отъ многихъ другихъ почтенныхъ лицъ военной и гражданской администраціи.

Владыко Господи Боже нашъ! Времена и лѣта во своей власти положи, и управляй всяческая премудрымъ и всеблагимъ Твоимъ Промысломъ: благослови вѣнецъ наступающаго (второго) столѣтія благостію Твоею!

Л.-Гв. Коннаго полка священникъ *Θ. Ласквѣзъ*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

С Л О В О

въ день празднованія столѣтняго юбилея военно-духовнаго Управленія (11 апрѣля).

Помянухъ дни древнія и поучихся
(Псалом. 142,5).

Въ настоящій день мы собрались сюда, досточтимые оо. и бр., во главѣ съ нашимъ маститымъ начальникомъ, по особенному, выдающемуся случаю: собрались для того, чтобы благодарственною молитвою къ Господу Богу ознаменовать истекшее столѣтіе управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ. Въ такой день для насъ естественно обратиться своею мыслію въ минувшую даль, полезно остановиться вниманіемъ на прошлой дѣятельности лицъ, руководившихъ жизнью военнаго духовенства, поучительно вспомнить что-либо и о служеніи самихъ военныхъ пастырей. Но изъ прош-

лой исторіи военнаго духовенства для насъ, пастырей церкви, ближе и дорже всего его религіозно-просвѣтительная дѣятельность.

Выдѣленіе военнаго духовенства изъ общаго порядка церковнаго управленія было вызвано особенною заботливостью въ Бозѣ почившаго Государя Императора Павла Петровича о религіозныхъ нуждахъ и потребностяхъ русскаго войска. Державною волею Государя все дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія нашего воинства сосредоточивалось въ рукахъ одного высшаго духовнаго лица: Оберъ Священника, Главнаго Священника и Протопресвитера. Онъ призывался стоять во главѣ всего военнаго духовенства и руководить его пастырскою дѣятельностію: какъ самъ лично, такъ и чрезъ посредство подвѣдомаго духовенства онъ имѣлъ наблюдать и управлять всѣмъ ходомъ духовно-нравственнаго развитія и преспѣванія воинства. И дѣйствительно, созданный царскою мыслию порядокъ личность главнаго священника ставитъ въ самую тѣсную и самую близкую связь съ русскимъ войскомъ: онъ имѣлъ полную возможность проникнуть въ духовную сторону жизни всей нашей арміи, наблюсти и изучить ея качества, присмотрѣться и прислушаться къ его религіознымъ нуждамъ; онъ уполномочивался, согласно своимъ наблюденіямъ, изыскивать всѣ мѣры и способы къ религіозному воздѣйствію на войско и чрезъ посредство военнаго начальства быстро приводить ихъ въ исполненіе.

Насколько же военное духовенство, подъ управленіемъ Главнымъ Священниковъ и Протопресвитеровъ оправдало въ своей дѣятельности то драгоцѣнное довѣріе, которое было оказано ему державною властію? Было ли оно на высотѣ своего призванія въ истекшей столѣтней періодъ своей исторіи? Насколько успѣшно и плодотворно выполнило оно великую возложенную на него задачу—религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго войска?

Справедливость требуетъ сказать, что изъ всей обширной области дѣлъ, 7 подлежащихъ вѣденію Главныхъ Священниковъ, религіозныя потребности войска составляли самый первый и самый главный предметъ ихъ заботъ и вниманія. Въ сохранившихся до насъ памятникахъ административной дѣятельности Главныхъ Священниковъ выступаетъ на первомъ мѣстѣ именно стремленіе и усиліе воспитать и развить въ русскомъ воинѣ его духовно-нравственныя силы, сдѣлать его человѣкомъ, одушевленнымъ самыми возвышенными чувствами, проникнутымъ истинно-христіанскимъ настроеніемъ, исполняющимъ свои обязанности не изъ страха угрозъ и наказанія, а по совѣсти и глубокому убѣжденію въ высотѣ и святости своего долга. Такъ,

въ старинной инструкціи благочиннымъ, составленной трудами первыхъ оберъ-священниковъ, внушается военнымъ пастырямъ, чтобы они, проповѣдуя Слово Божіе предъ военными людьми, наставляли ихъ съ отеческою властію въ непремѣнныхъ обязанностяхъ война: въ благочестіи, безпредѣльной вѣрности къ Государю, повиновеніи начальству и усердіи къ службѣ: чтобы представляли имъ гибельныя слѣдствія наипаче тѣхъ пороковъ, которые обыкновеннѣе и больше обнаруживаются въ солдатахъ: чтобы въ проповѣдуемыхъ истинахъ соображались со временемъ и обстоятельствами, т. е. къ сраженію ли они готовятся, стоятъ ли лагеремъ для обученія воинскимъ маневрамъ или живутъ на обывательскихъ квартирахъ». Точно также въ положеніи о полевомъ оберъ-священникѣ говорится, что онъ «побуждаетъ священниковъ къ нѣлѣстному проповѣданію Слова Божія, внушая войнамъ любовь къ вѣрѣ, Государю и Отечеству, и повиненію къ властямъ»; во время сраженія онъ долженъ былъ находиться въ назначенномъ отъ дежурнаго генерала мѣстѣ и смотрѣть, чтобы священники были при своихъ полкахъ для ободренія воиновъ гласомъ вѣры и благословеніемъ церкви для доставленія раненымъ и умирающимъ духовнаго утѣшенія и св. причастія». Такъ заботились главные священники о воспитаніи въ войскахъ духа вѣры, благочестія и военной дисциплины въ мирное время, терпѣнія, мужества и самоотверженія въ тяжелую годину браней. И сами главные священники представляли собою поучительный для военнаго духовенства примѣръ трудовъ по части религіозно-нравственнаго просвѣщенія христіанскаго воинства: отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились до насъ весьма цѣнные сочиненія духовно-назидательнаго характера. Литературные труды оберъ-священника Г. И. Мансветова, протопресвитера В. Б. Бажанова и нынѣ здравствующаго О. Протопресвитера пользуются заслуженною извѣстностью во всемъ нашемъ отечествѣ.

Труды и заботы оберъ-священниковъ и протопресвитеровъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи войска не могли остаться безплодными: ихъ духъ, духъ любви къ поученію и назиданію паствы, не могъ не сообщаться и подвѣдомому духовенству. По примѣру своихъ начальниковъ и все военное духовенство глубоко проникалось сознаніемъ своего пастырскаго долга—проповѣдывать и учить, словомъ и дѣломъ способствовать возбужденію и укрѣпленію духовно-нравственныхъ силъ нашего войска. Вліялъ благотворно полковой священникъ на вѣренную ему паству уже самымъ своимъ положеніемъ въ военной средѣ, какъ постоянный и непремѣнный ея членъ. Къ

чести военнаго духовенства должно отнести то, что оно всегда близко стояло къ христіолюбивому воинству и жило одною съ нимъ жизнію. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время полковой священникъ былъ всегда на виду у своей паствы, съ которою дѣлилъ всѣ радости и печали. Вмѣстѣ съ своею частію онъ терпѣлъ всѣ невзгоды кочевой переиѣнной жизни, приспособлялся ко всякимъ климатамъ, привыкалъ ко всевозможнымъ иногда тяжелымъ для него условіямъ военнаго быта. А въ военное время онъ не только несъ въ лазареты и госпитали христіанское утѣшеніе больнымъ и раненымъ воинамъ, но и становился впереди русской арміи, мужественно шель на поле битвы, «гласомъ вѣры и благословіемъ церкви» ободряя воиновъ и собственнымъ самоотверженнымъ примѣромъ увлекаая ихъ къ побѣдамъ. И нерѣдко случалось, что вражія пуля не щадила и военнаго пастыря—героя.

Наше русское войско стяжало себѣ всесвѣтную извѣстность своими доблестями; въ своей прошлой исторіи оно нерѣдко изумляло міръ не только своими боевыми качествами, но и великими духовными силами: терпѣніемъ, великодушіемъ, преданностію начальству, безкорыстіемъ и любовію даже къ своимъ врагамъ. Кто создалъ и воспиталъ въ русскомъ воинѣ эти великія христіанскія свойства его души? Не одна только военная дисциплина, но и духовенство своимъ пастырскимъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ. Самое мужество нашего воина имѣетъ подъ собою религіозную основу. Кто скажетъ что терпѣніе и самоотверженіе, съ которымъ онъ несетъ всѣ тяжести военнаго времени, то геройское воодушевленіе, которое пламенѣетъ въ немъ въ пылу битвы, или то спокойствіе, съ которымъ онъ полагаетъ животь свой на полѣ брани, — кто окажетъ, что всѣ эти доблести русскаго солдата проиходятъ изъ одного только отвлеченнаго сознанія долга, а не изъ его религіознаго настроенія, не изъ его глубокой вѣры въ то, что овъ несетъ свой подвигъ ради Христа, не изъ того чувства любви къ ближнимъ, Царю и Отечеству, которое воспитывается въ немъ подъ вліяніемъ Церкви и ея пастырей?

Возблагодаримъ же Господа Бога, благодѣявшаго военному духовенству въ истекшій столѣтній періодъ его исторіи!

Вознесемъ усердную молитву за Державныхъ Вождей русской арміи, възыскавшихъ военныхъ пастырей Своими Царскими милостями! Призовемъ благословіе Боже на послѣдующіе наши труды для религіозно нравственнаго просвѣщенія воинства!

Священникъ Іоаннъ Моревъ.

Духовное торжество по случаю освященія иконъ въ приѣмномъ покоѣ.

4-го марта въ 6 гренадерскомъ Таврическомъ полку было духовное торжество по случаю освященія вновь сооруженныхъ иконъ въ приѣмномъ покоѣ. Освященіе совершалъ протоіерей церкви 5 грен. Кіевскаго полка Соколовъ въ сослуженіи священниковъ 6 грен. Таврическаго полка Яроцкаго и 7 грен. Самогитскаго полка Казанскаго, при пѣніи хора одного изъ лучшихъ въ Москвѣ. При освященіи присутствовали: начальникъ 2 грен-дивизіи ген.-лейт. С. С. Бутурлинъ, полный составъ офицеровъ Таврическаго полка съ командиромъ полка полковникомъ А. Ф. Крузенштерномъ, полковой медицинскій персоналъ, дивизионный врачъ ст. совѣтн. Д. И. Ребчевскій и находящіеся на излеченіи больные чины полка. Приѣмный покой занимаетъ отдѣльное обширное зданіе вблизи полковыхъ казармъ. Высокія свѣтлыя комнаты съ соотвѣтствующей обстановкой, прекрасная вентиляція, чистота половъ, оконъ, больничной постели и всего, на что ни обратишь вниманіе, — все это производитъ отличное впечатлѣніе; медицинская часть обставлена также прекрасно, — словомъ сдѣлано кажется все, чтобы заболѣвшій нижній чинъ нашель въ приѣмномъ покоѣ всѣ возможныя условія для скорого выздоровленія. Но, въ то время, когда тѣло болящаго питалось, холилось и врачевалось, душа его нуждалась въ воспріятіи источниковъ духовнаго врачеванія, какимъ несомнѣнно служатъ свят. иконы, которыя бы своимъ благолѣпіемъ привлекали вниманіе больного и возбуждали его молитвенное настроеніе. Такой недостатокъ теперь восполненъ. Московскій купецъ В. С. Самойловъ на собственные средства соорудилъ иконы Спасителя и препод. Сергія Радонежскаго. Иконы, величиною 16 X 20 вер., прекраснаго письма, въ серебряно-позлащенныхъ ризахъ, помѣщаются въ дорогихъ рѣзнаго дуба кіотахъ; предъ иконами теплятся неугасаемыя лампы.

Послѣ освященія иконъ было отслужено молебствіе, закончившееся обычными многолѣтіями. Затѣмъ присутствовавшіе приложились къ св. иконамъ. Нужно было видѣть радость, умиленіе больныхъ воиновъ, чтобы судить, какъ глубоко религіозенъ нашъ русскій солдатъ, какъ онъ высоко цѣнитъ жертву почтеннаго Самойлова и какъ онъ благодаренъ ему. Выразить эту благодарность жертвователю счелъ своимъ долгомъ полковой священникъ Яроцкій, который произнесъ слѣдующую рѣчь.

Досточтимый Василій Семеновичъ!

Позвольте мнѣ, полковому пастырю, отъ себя лично и отъ чиновъ пол-

ка выразить Вамъ нашу глубокую благодарность за Ваше дорогое для насъ пожертвованіе и хоть въ нѣсколькихъ словахъ изъяснить значеніе сегоднешняго событія для нашей полковой семьи. Васъ осѣнила счастливая мысль принести святой даръ отъ достатковъ своихъ болящимъ русскимъ воинамъ. Вы соорудили св. иконы въ ихъ благолѣпномъ видѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, нуждается въ воспріятіи религіознаго впечатлѣнія, которое бы возбуждало молитвенное настроеніе, умиляло душу и окрыляло ее надеждою на милость и помощь Божію въ постигшей болѣзни. Мѣсто это—мѣсто болѣзней, страданій, мѣсто слезъ и воздыханій къ милосердному Богу. Извѣстно, что въ здоровомъ состояніи человѣкъ меньше думаетъ о Богѣ, чѣмъ на одрѣ болѣзни. Здоровый человѣкъ, вслѣдствіе поврежденной грѣхомъ природы, увлекается интересами окружающаго міра, изо дня въ день, изъ года въ годъ, толчется на торжищѣ житейской суеты и сосредоточиваетъ преимущественно свое вниманіе на предметахъ: что ясти, пити и во что одѣтиса....., но, когда человѣка постигнетъ болѣзнь, настроеніе его быстро измѣняется. Выбитый изъ обыденной колеи, онъ попадаетъ въ кругъ совершенно иныхъ мыслей, чувствованій и желаній; интересъ къ житейскимъ вопросамъ сразу обрывается. Отъ окружающаго суетнаго міра больной какъ бы входитъ внутрь себя, заключается въ свой внутренній душевный міръ, какъ улитка, завидя грозящую опасность, уходить, прячется въ свою скорлупу.

Какое бы ни занималъ человѣкъ общественное положеніе, какимъ бы матеріальнымъ достаткомъ онъ ни пользовался, — всякъ не чуждъ общихъ человѣческихъ слабостей и увлеченій. Всѣ люди, въ соотвѣтствіи матеріальнаго и общественнаго положенія, имѣютъ свой кругъ понятій о земномъ счастіи и, въ погонѣ за этимъ счастіемъ, всѣ волнуются интересами земной жизни, забывая, а то и отгоняя отъ себя мрачныя вопросы о послѣднихъ дняхъ, о неизбежной смерти... Такъ вотъ и солдатъ: пока онъ въ круговоротѣ обыденной жизни, у него тоже свои земныя заботы, свои радости и печали;—къ тому-же онъ молодъ, впереди у него еще непочатая жизнь, съ ея надеждами на радость и счастье. Но вотъ, неожиданно страшлась бѣда: солдатъ захворалъ и очутился здѣсь на больничной постели. Чувство одиночества сразу охватываетъ больного. Онъ чувствуетъ, что какая-то невидимая преграда, какое-то нравственное отчужденіе, раздѣляютъ его отъ міра, интересами котораго онъ недавно еще самъ жилъ, самъ волновался. Только теперь, оставшись одинъ съ своимъ злымъ недугомъ, онъ

начинаетъ понимать, что такое земная жизнь съ ея радостями! но жизнь эта уже позади него; впереди, въ сумракѣ томительной бессонной ночи, съ одра болѣзни чудится уже ему безошадный призракъ смерти, которую онъ долженъ ожидать безъ утѣшенія близкаго, родного человѣка, умереть на чужбинѣ среди чужихъ ему людей! тоска шемитъ сердце, больной мечется на постели, онъ близокъ къ отчаянію... Но вотъ больной останавливаетъ воспаленный взоръ свой на св. иконахъ, блещущихъ золотомъ и каменіями при свѣтѣ неугасаемыхъ лампадъ. Когда то слышанныя, а можетъ быть и читанныя божественныя слова вспоминаются ему: *придите ко мнѣ вси труждающіися и обремененни, и Азъ упокою вы*. Вдумывается больной въ смыслъ и значеніе этихъ словъ, всматривается въ кроткій, дышашій небесною любовію, божественный ликъ Христа и чувствуетъ, какъ успокаивается мятущееся сердце, затихаютъ боли, и все существо страдальца, охваченное божественнымъ обаяніемъ, влечется къ Спасителю Христу-источнику исцѣленій...

Свѣтъ Христовъ просвѣтляетъ мракъ души грѣшнаго человѣка; ясно встаетъ предъ нимъ вся прошедшая грѣховная жизнь, приведшая его въ теперешнее болѣзненное состояніе; жгучее сожалѣніе о прошломъ разрешается благодатными покаянными слезами, а молитвенные стоны несутся къ милосердому Богу о помощи и прощеніи, и стоны страдальца будутъ услышаны Тѣмъ, Кто изрекъ вѣчный глаголь: *Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ*.

О томъ, что предъ иконами нерѣдко рѣшалась судьба человѣка, мы имѣемъ много примѣровъ въ исторіи Церкви, изъ которыхъ упомянемъ хотя бы объ обращеніи великой грѣшницы Маріи Египетской. Кто возбудилъ въ душѣ ея святое дерзновеніе обѣщать предъ Богомъ исправленіе своей жизни? Взоръ на икону Богоматери, стоящую надъ дверями храма Іерусалимскаго. Равно не память ли объ этой иконѣ и обѣтъ передъ ней произнесенномъ, поддерживали Марію потомъ въ продолженіе сорокалѣтнихъ неимовѣрныхъ подвиговъ пустынныхъ.

Св. иконы имѣютъ для православнаго человѣка великое воспитательное значеніе. Такое, преимущественно для русскаго воина, имѣетъ сооруженная здѣсь икона Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Кому не вѣдома достославная исторія жизни и дѣяній этого великаго чудотворца всея Россіи, печальника и защитника земли Русской? Взирая на изображеніе св. угодника, русскій воинъ будетъ размышлять о великихъ дѣяніяхъ сего чудо-

творца, святительское благословеніе котораго, преподанное воинамъ Великаго князя Дмитрія Донскаго, способствовало преодолѣть несмѣтныя силы татарскихъ полчищъ въ Куликовской битвѣ. Побѣда эта, покрывшая неуваждаемой славой русское воинство, дала намъ и грядущимъ поколѣніямъ ясное, убѣдительное доказательство того, какое великое значеніе имѣетъ для русскаго воина благословеніе на ратный подвигъ представителя церкви православной.

Вдумываясь въ минушія историческія событія нашей родины, мы не можемъ не убѣждаться, что на бранномъ полѣ судьбы народовъ рѣшаются не численностію воинства, не техникой и воинскимъ искусствомъ, а Господомъ Богомъ; что побѣда даруется тому, у кого крѣпка какъ сталь вѣра въ Его помощь, и кто самоотверженно исполняетъ свой долгъ, защищая Вѣру, Царя и Отечество. Эти непреложныя истины русскій воинъ будетъ черпать изъ исторіи препод. Сергія Радонежскаго, какъ изъ неизсякаемаго кладязя, для своего назиданія и наученія.

Такое-то великое значеніе, почтеннѣйшій Василій Семеновичъ, имѣетъ для насъ сегодняшнее событіе! Господь сторицею вознаградитъ Васъ за Вашу жертву. Если, по слову Св. Писанія, не забудется и капля студеной воды, поданной жаждущему, то тѣмъ паче не забудется Господомъ Богомъ и даръ Вашъ болящимъ воинамъ, — даръ, служащій къ уврачеванію его душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ.

Молитвами Преподобнаго Сергія Радонежскаго да продлитъ Господь Богъ христіанскую жизнь Вашу въ здравіи и благополучіи на многіе и многіе годы.

Благочинный 2 Гренадерской дивизіи, Священникъ Іоаннъ Яроцкій.

Побѣдка священника во Владивостокъ съ новобранцами на пароходѣ Д. Ф. «Саратовъ» весною 1899 года.

По назначенію о. Протопресвитера мнѣ, въ прошломъ году, привелось совершить плаваніе на Дальній Востокъ съ новобранцами, ежегодно отправляемыми на судахъ Д. Ф. для укомплектованія войскъ приамурскаго края. Это плаваніе мое, считая съ 1894 года, четвертое. По прибытіи мо-

емъ въ Одессу вышло недоразумѣніе: я командированъ былъ на пароходъ «Херсонъ», имѣвшій отойти изъ Одессы 1-го февраля, а между тѣмъ «Херсонъ» оказался неготовымъ къ отходу въ назначенный срокъ, поэтому очереди измѣнили и къ отходу назначенъ былъ «Саратовъ». При всемъ томъ, что на «Саратовѣ» должна была слѣдовать именно та самая партія новобранцевъ, которую я командированъ былъ сопровождать, по совѣту о. благочиннаго, завѣдующаго снабженіемъ пароходовъ Д. Ф. церковными вещами, хранящимися въ портовой церкви, я телеграфировалъ о. Протопресвитеру объ измѣненіи рейсовъ «Херсона» и «Саратова» въ тѣхъ видахъ, что былъ уже случай явки двухъ священниковъ на одно и тоже судно. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не случилось.

Вмѣсто 1-го февраля мы снялись изъ Одессы только 6-го числа. Обычнымъ порядкомъ отправленъ былъ напутственный молебенъ и всѣ пассажиры и пароходныя номѣщенія окроплены были св. водой. Въ 4 часа по полудни пароходъ отошелъ отъ пристани. Едва успѣли мы только выйти въ море, какъ началась качка, продолжавшаяся почти до Константинополя. Не смотря на это, съ перваго же дня отхода установился порядокъ общей молитвы. Въ прежнія мои плаванія ежедневное общее молитвословіе ограничивалось только вечерней молитвой. Нынѣ же, за весь рейсъ, когда дозволяло состояніе погоды, неспустительно ежедневно совершалась и общая утренняя молитва и при томъ особо для той и другой половины эшелона: сначала на носовой части палубы, а потомъ—на кормовой. Замѣчу, что содѣйствіемъ въ установленіи всѣхъ этихъ порядковъ, я, между прочимъ, обязанъ былъ старшему офицеру парохода г. С—кому¹⁾, который, какъ завѣдующій распорядительною частію на суднѣ, всегда съ готовностію относился ко всѣмъ моимъ заявленіямъ, касающимся устройства религіозной жизни солдатъ на суднѣ и вообще урегулированія церковныхъ порядковъ и богослуженія. Ревность г. С. простиралась до того, что онъ даже преслѣдовалъ солдатъ, просыпавшихъ утреннюю молитву; если таковые находились, то объ нихъ сообщалось эшелонному начальнику, который дѣлалъ соотвѣтствующее взысканіе.

Нашъ пароходный хоръ скоро устроился, чему поспособствовало какъ обиліе между новобранцами знающихъ церковное пѣніе, такъ, главнымъ

¹⁾ С. сынъ Одесск. каедр. протоіерея.

образомъ, то, что нашелся между ними и регентъ. Оказался также между новобранцами бывший псаломщикъ. Такимъ образомъ нынѣ мнѣ не представилось затрудненія ни въ составленіи хора, ни въ обученіи порядку богослуженія.

Богослуженіе совершалось въ теченіе рейса во всѣ воскресные и праздничные дни, когда не было качки,—съ вечера—всенощное бдѣніе въ 7 часовъ,—утромъ въ 9^{1/2} часовъ литургія, или обѣдница. Благодаря усердію судовой команды, на «Саратовѣ» инвентарь церковныхъ вещей годъ отъ года все увеличивается. Такъ въ настоящее время имѣется: одежды на престолъ, жертвенникъ и аналогій, евангеліе, на престольный крестъ (мѣдный), двѣ пары священническихъ облачений, запрестольный подсвѣчникъ. Нынѣ заведена небольшая плащаница и своими мастерами сдѣланъ пасхальный трикирій. Кромѣ того мною приобрѣтено было въ Одессѣ три образа (олеографіи) Спасителя, Божіей Матери и Воскресенія Христова, которые наклеены были на доски, освящены и за богослуженіемъ поставлялись на приличествующихъ мѣстахъ съ возженными свѣчами, а при крестныхъ ходахъ служили выносными иконами. Я на «Саратовѣ» дѣлалъ уже третій рейсъ. Въ прежніе рейсы мѣсто для богослуженія обыкновенно устраивалось на спордекѣ, около пассажирской рубки. Правда, это мѣсто имѣло свои удобства, но по сравнительной узкости и несоразмѣрной длинѣ (до 80 шаговъ) лишало возможности стоящихъ позади слышать церковныя пѣснопѣнія и чтенія, въ каковомъ отношеніи мѣсто на трюмѣ носовой части парохода, гдѣ совершалось богослуженіе нынѣ, представляетъ больше удобствъ, хотя и имѣетъ возможности конечно и здѣсь присутствовать всѣмъ.

Великій постъ нынѣ начался только съ 1-го марта и мы сдѣлали уже около двухъ третей пути къ Владивостоку. Поэтому, при всемъ моемъ желаніи, партія эшелона не вся успѣла исполнить въ пути долгъ исповѣди и св. причастія. Тѣмъ не менѣе за время поста въ пути (до прихода въ Нагасаки—13 марта) я успѣлъ исповѣдаться и приобщиться до 700 челозвѣкъ. Правда, приходилось трудновато въ тропической жарѣ, но, при помощи Божіей, эта трудность превозмогалась. Я впрочемъ еще задолго до наступленія поста предлагалъ начальнику эшелона сдѣлать нарядъ части партіи для говѣнія въ предъидущія посту недѣли, но предложеніе мое не было принято въ силу той традиціи, что «виѣ поста говѣть неудобно».

Регулярныхъ бесѣдъ во время плаванія я не велъ, но пользовался для бесѣдъ извѣстнымъ временемъ и обстоятельствами. Помимо поученій, про-

износимыхъ за богослуженіемъ, я пользовался иногда и другимъ временемъ — напримѣръ — утренней, или вечерней молитвой. Тѣмъ для этихъ бесѣдъ давали иногда тѣ самыя мѣста, мимо которыхъ мы проходили. Подходя къ Константинополю, я, напримѣръ, въ свсей бесѣдѣ указалъ на важное значеніе этого города, какъ вообще для христіанства, такъ, въ частности, для насъ русскихъ, какъ того мѣста, откуда принесена къ намъ св. православная вѣра. При плаваніи Краснымъ моремъ, воспоминались и рассказы-вались мною библейскія событія временъ Моисей. Сивѣющая вдали и видимая въ ясную погоду вершина Синая, невольно давала тему о Синайскомъ законодательствѣ. Можно думать, что эти бесѣды, при томъ вниманіи, какое замѣчалось между слушателями, сопровождаемая не туманными картинами съ помощію волшебнаго фонаря, а тѣми самими мѣстами, гдѣ совершилось то или другое библейское событіе, должны неизгладимо остаться въ памяти слушателей. Иногда бесѣды говорились по особымъ событіямъ, напр. при погребеніи ¹⁾). Разъ нѣсколько русскихъ новобранцевъ вздумали глумиться надъ товарищемъ татаринимъ и осмѣивать его вѣру. Послѣдній выведенъ былъ изъ терпѣнія и принесъ жалобу. Я воспользовался этимъ случаемъ и за первымъ же праздничнымъ богослуженіемъ сказалъ поученіе на тему—кто нашъ ближній, взявъ въ основаніе евангельскую притчу о милосердомъ самарянинѣ.

Во время остановки въ Нагасакахъ, офицеры, сопровождавшіе новобранцевъ, узнавъ, что тамъ есть русское кладбище, пожелали посѣтить его, пригласивъ и меня. Къ намъ присоединились нѣкоторые изъ пассажировъ. Я съ своей стороны захватилъ съ собою необходимое для служенія панихиды. Взяты были пѣвчіе. Мы отправились на нѣсколькихъ шлюпкахъ. Кладбище находится въ глубинѣ Нагасакской бухты на противоположномъ отъ города берегу. Какъ ближайшія къ нему мѣстности, такъ и самое кладбище отличаются красивымъ гористымъ мѣстоположеніемъ и роскошною растительностію. Чтобы достигнуть кладбища, нужно отъ берега подняться по извиистой тропинкѣ, проложенной въ видѣ лѣстницы, пройти нѣсколько узенькихъ улицъ небольшой японской деревушки, подняться еще въ гору и, миновавъ небольшое японское кладбище, подойти наконецъ къ воротамъ ограды, окружающей русское кладбище. Кладбище занимаетъ небольшую выровненную площадъ, обсаженную деревьями и кустарникомъ, между ко-

¹⁾ Въ нынѣшній рейсъ былъ одинъ случай смерти.

торыми есть пальмы, кипарисы. Судя по памятникамъ и надгробнымъ плитамъ, похороненныхъ здѣсь довольно. Всѣ эти памятники и плиты мѣсто покоя русскихъ моряковъ, начиная съ командира и кончая матросомъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, въ концѣ, находится небольшая каменная часовня, увѣнчанная крестомъ, съ арками съ трехъ сторонъ, огражденными желѣзными рѣшетчатыми дверями. Внутри діаметръ часовни приблизительно не болѣе 4 арш., стѣны окрашены голубою масляною краскою. На восточной стѣнѣ виситъ два большихъ образа стариннаго письма—на одномъ изображенъ Георгій Побѣдоносецъ, на другомъ—какой-то преподобный (надписи нѣтъ). Здѣсь, въ этой часовнѣ, въ присутствіи всѣхъ прибывшихъ, совершена была мною панихида о упокоеніи всѣхъ, здѣ лежащихъ православныхъ воиновъ. Кладбище, нужно замѣтить, содержится чистенько, благодаря заботливости матросовъ русскихъ военныхъ судовъ тихо-океанской эскадры, имѣющихъ въ Нагасакскомъ портѣ часто временную стоянку¹⁾. Говоря о чистотѣ кладбища, нельзя не сказать о чистотѣ и опрятности японскихъ кладбищъ. Мнѣ не разъ случалось проходить мимо этихъ кладбищъ и наблюдать—съ какимъ стараніемъ сторожъ (обыкновенно женщина) собираетъ соръ, ухаживаетъ за растеніями и цвѣтами, которыя составляютъ необходимую принадлежность каждаго подобнаго кладбища. вмѣсто нашихъ вѣнковъ, предъ каждой могилой или памятникомъ букеты цвѣтовъ, помѣщающіеся въ укрѣпленныхъ въ землю портъ-букетахъ съ водою, сдѣланныхъ изъ бамбука.

По примѣру прежнихъ лѣтъ грамотные солдаты не оставлены были мною безъ чтенія. Болѣе сотни различныхъ брошюрокъ и листковъ религіозно-нравственнаго содержанія постоянно обращались между ними, для чего у меня избранъ былъ особый завѣдывающій книжками (новобранецъ изъ учителей). Книжки пріобрѣтены были мною въ Одессѣ. Всѣ эти изданія предъ приходомъ во Владивостокъ разданы были мною между всѣми грамотными, неграмотные же получили крестикъ или иконку—олеографію. Вся партія новобранцевъ состояла изъ 1553 человекъ, большинство изъ нихъ всѣ православные. При приходѣ во Владивостокъ отправлено было благодарственное молебствіе, при чемъ сказано было мною приличное слово.

¹⁾ Въ Нагасакахъ, кромѣ кладбищенской часовни, есть еще другая русская часовня при русскомъ морскомъ госпиталѣ. Какъ-то скорбно становится на душѣ, когда въ такомъ японскомъ городѣ какъ Нагасаки, гдѣ постоянный приливъ Русскихъ, особенно въ лечебный сезонъ, слышатся звуки колоколовъ католическихъ и лютеранскихъ храмовъ, но не слышно родного звука колокола, который бы раздавался съ православнаго храма, какового, увы, здѣсь до сихъ поръ нѣтъ.

Во время пребыванія во Владивостокѣ я имѣлъ честь представляться преосвященному Евсевию, незадолго предъ тѣмъ прибывшему на свою новую кафедру и участвовать съ нимъ въ служеніи литургіи въ мѣстномъ соборѣ въ недѣлю крестопоклонную и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день быть участникомъ торжества—открытія Владивостокской духовной консисторіи. Во Владивостокѣ же мнѣ привелось напутствовать молитвеннымъ благословеніемъ охранный отрядъ добровольцевъ, сформированный на строящуюся манчжурскую желѣзную дорогу и прибывшій во Владивостокъ изъ Одессы вслѣдъ за «Саратовомъ» на зафрактованномъ Д. Ф. французскомъ пароходѣ «Альпы».

Въ обратный путь изъ Владивостока рейсъ «Саратова» измѣнился—онъ долженъ былъ итти въ Ханькоу за грузомъ чая. По случаю захода въ докъ и другихъ ремонтныхъ работъ, мы простояли цѣлый мѣсяцъ въ Нагасакахъ, гдѣ встрѣтили и праздникъ св. Пасхи. Благодаря тому, что здѣсь въ это время лечебный сезонъ и постоянный приливъ русскихъ, а также стоянки русскихъ военныхъ судовъ, самая торговля нѣкоторыхъ Нагасакскихъ магазиновъ предъ Пасхой принимаетъ обычный русскій предъ праздничный видъ: здѣсь вы увидите на выставкахъ за стеклами куличи, пасхи, красныя яички и подобныя пасхальныя снѣди.

Въ Вербное воскресенье, въ послѣдніе дни страстной седмицы и на самый Свѣтлый праздникъ къ нашей домашней, если такъ можно выразиться, церкви, присоединились нѣкоторыя русскія семейства изъ города, такимъ образомъ число обычныхъ парходныхъ богомольцевъ увеличилось, что было весьма отраднo. Изъ богослуженій страстной седмицы отправлено было послѣдованіе чтенія 12 евангелій, вечерня въ великую пятницу и съ вечера же утрениа на великую субботу. Богослуженіе совершалось въ каютъ-кампани, которая еще съ Вербнаго воскресенья приняла праздничный видъ, чему много способствовала масса зелени, особенно тропическихъ растений. Въ свѣтлый праздникъ богослуженіе началось ровно въ 12 час. ночи и утрениа съ литургіей продолжались около двухъ часовъ. За богослуженіемъ присутствовало нѣсколько приглашенныхъ японцевъ. Они, въ своихъ парадныхъ національныхъ киримонахъ (халатахъ) стояли позади молящихся и съ любопытствомъ слѣдили за богослуженіемъ. Потомъ они высказывались, что имъ «очень хорошо понравилось». Нужно впрочемъ сказать, что все эти японцы довольно порядочно владѣютъ русскимъ языкомъ, поэтому и самое богослуженіе для нихъ было всетаки не непонятно. Вмѣстѣ съ «Саратовомъ»

на Нагасакскомъ рейдѣ стояло нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ. Всѣ они въ пасхальную ночь были прекрасно иллюминированы электричествомъ.

Въ радоницу я предложилъ на пароходѣ желающимъ отправиться со мной на русское кладбища и тамъ помолиться за усопшихъ. Желающихъ нашлось довольно и мы, въ нарочито спущенной большой шляпкѣ, часовъ въ 12 отправились на кладбище, гдѣ я отслужилъ въ часовнѣ панихиду.

Дальнѣйшее плаваніе наше изъ Нагасакъ было въ Ву—сунгъ и Ханькоу. Относительно Ханькоу и его православнаго храма я касался въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ и замѣткахъ за прежніе годы. Обратное плаваніе отъ Ханькоу до Одессы вообще утомительное, однообразное. Особенно мнѣ показался утомительнымъ переходъ отъ Сингапура до Адена, минуя Коломбо (15 дней). Такой курсъ суда держать обыкновенно въ это время года, обходя свирѣвствующій подъ извѣстными градусами въ Индійскомъ океанѣ муссонъ. Въ Одессу мы возвратились 25 іюня, пробывъ такимъ образомъ въ плаваніи съ остановками 140 дней.

Священникъ Георгій **Левитскій**.

Послѣ службы на родину.

Разсказъ полкового священника.

(Отправление и прибытіе запасныхъ).

«Воспитывайте ихъ въ наказаніи (наставленіи) и ученіи Господни» (Ефес. 17. 4).

«Пребывай, въ нихъ-же наученъ еси» (2 Тимоѳ. III, 14).

I.

Старшій унтеръ-офицеръ Алексѣй Кокуринъ, отслуживъ вѣрой и правдою пять лѣтъ Царю-Батюшкѣ, возвращался по желѣзной дорогѣ въ свою родную деревню Поддубье молодцомъ унтеромъ. Теперь онъ имѣлъ уже несомнѣнное право заняться устройствомъ своей личной жизни и счастья.

Счастье однако каждый понимает по своему; у всякаго свои мысли на этотъ счетъ.

«Вонъ Федоренко пошелъ въ жандармы, Кузихинъ въ полицію», — вспоминалъ, сидя въ вагонѣ, Кокуринъ своихъ товарищей. «А Бавыкинъ, такъ тотъ подручнымъ въ лавкѣ бакалейной остался... Всякому, значить, своя линия выходить... Однако мнѣ, по моему характеру, ни тамъ ни здѣсь не сподручно. Еще въ жандармахъ, или въ полицейскихъ — туда — сюда: тутъ непременно солдату нужно быть, потому онъ всѣ распорядки живымъ манеромъ изучить; ну и выправка совѣмъ другая, и все прочее такое насчетъ, примѣрно, секретности всякой — къ этому привычны раньше. А ужъ въ приказчики-то... не знаю... не статья нашему брату: схитрить то, да обмануть, — ужъ на это итти какъ будто совѣмъ не способно нашему брату»...

«А меня вотъ, поди-жъ ты, такъ вотъ и тянетъ къ родной нашей землицѣ-кормилицѣ... «Откуда вышелъ, туда и возвращайся», — вспомнилъ онъ слова полкового батюшки въ напутствіе запаснымъ. «Значить я правильно, по батюшкиному-то выходить, поступаю: отъ сохи взяли, къ сохѣ и возвращаюсь. Да... что онъ еще-то говорилъ?.. «Начальство, какое у кого напередъ будетъ, почитай и приказанія исполняй: вездѣ и во всемъ порядокъ нуженъ»... Не извольте безпокоиться, батюшка, — къ этому-то мы очень даже хорошо приучены. «Отца съ матерью почитайте», — припоминалъ онъ батюшкино поученье. «Да... попробуй-ка отца-то съ матерью не почитать!.. Первое дѣло — грѣшно по заповѣди Божьей, — Богъ и счастья не пошлетъ; да, вѣдь, какой у кого и отецъ-то: попробуй-ка моего Семена Данилыча (отца-то) не послушать, онъ тебѣ дастъ, — не посмотреть, что и унтеръ. Въ страхѣ Божьемъ воспитывалъ насъ, нечего ужъ и говорить: что хорошо, такъ хорошо; а чуть что завелъ не въ ту сторону, не по Божьей, а по своей волѣ, — онъ тебя живо наставитъ на путь истинный: какъ взглянетъ только, такъ сразу поймешь... Вотъ бы изъ него вахмистръ-то важный вышелъ»!..

«Правду сказать, такъ немножко-то я въ его пошелъ; вѣдь вотъ на службѣ никогда не дрался, а только крикнешь — «ну!», да взглянешь... Боялись меня; строгость-то то же во время не мѣшаетъ, а то какъ разъ распустишь... Да вѣдь не только что боялись, а и любили, знаютъ сами солдатики, что на нихъ иной разъ и строгость нужна. Бывало придетъ ка-

кой изъ неграмотныхъ: «г. взводный! Потрудитесь письмо написать родителямъ»... Не то что какъ къ Кузихину; тотъ, братъ, живо отошьетъ: «да какое ты это право нашелъ къ начальству за этииъ лѣсть? Да развѣ ты не знаешь, что къ начальству (и въ грудь себя пальцемъ тыкаетъ... смѣхъ право)!.. только за дѣлами обращаться долженъ? Что я тебѣ за писарь дался?» Запугаетъ парня совѣтъ: стоитъ тотъ, да все больше тянется, да глаза искривить на «начальство-то», то есть Кузихина то, что (который) себя такъ величаетъ»...

«А къ чему это ведетъ, скажемъ къ примѣру?.. Вовсе даже Кузихина не долюбливали солдаты-то; и еще другой озорникъ подведетъ его-же въ дѣлѣ какомъ. Хорошій, конечно, этого не сдѣлаетъ, потому знаетъ, что службу надо справлять какъ слѣдуетъ, по чести, по совѣсти: не Кузихину служить, а Царю... Не хорошо, знамо, въ такомъ дѣлѣ злобу свою вспоминать».

«Однако и Кузихинъ того... не ладно тожъ поступаетъ: къ чему-жъ себя такъ высоко ставить? Вѣдь такой же крестьянинъ, какъ и другіе; такъ чего-жъ изъ себя офицера-то корчить?.. Вотъ коли ежели провинится кто въ чемъ, тогда совѣтъ другая статья... Потому за каждую провинность надобно непременно даже взыскать, чтобъ впередъ не повадно было...; на то тебѣ и власть дана... Дѣло требуй, а безъ толку величаться тоже не слѣдъ по моему... И диви-бы (если-бы) передъ кѣмъ величался то? — А то передъ новобранцами, которые каждого простого солдата чуть не за начальство принимаютъ!.. Ужъ такъ-то робки, такъ-то робки по первоначалу, что и сказать нельзя; просто—совѣтъ безъ языка. Ну а ежели при этомъ на нихъ прикрикнуть, такъ пожалуй и умъ-то въ пятки уберется»...

«А по моему все хорошо тожъ во время: на учени, или тамъ когда надо, будь начальникомъ; а въ прочее другое время для каждого младшаго долженъ быть старшимъ братомъ. Нашъ, бывало, батюшка каждый разъ при бесѣдахъ, когда бываетъ въ эскадронѣ, объ этомъ толкуетъ. А онъ чтожъ, развѣ меньше Кузихина въ этомъ понимаетъ?.. Какъ же!.. Нѣтъ... онъ, братъ, нашу жизнь вотъ какъ знаетъ...! до каждой мелочи, ровно живетъ съ нами»...

«Бываютъ, правда, всякіе: вотъ хоть бы взять,— былъ у меня во взводѣ Сергѣевъ. Ну ужъ и солдатъ!.. То есть никогда съ нимъ по человѣчески нельзя обращаться, то есть никакъ даже невозможно... И на гаубвахтѣ-то

чуть не каждую недѣлю по семи дней сиживаль, и на дежурство не въ очередь, и подь винтовкой стоялъ по часу, по два... ничто не беретъ... И эскадронный и батюшка то урезонивали его... Пустой какъ есть солдатовенокъ! Покуда на глазахъ, такъ еще туда сюда; а вырвался,—только его и видѣли... Завсегда въ какую ни на есть исторію влететъ»...

«А все вино... оно его загубило. Такой жадности къ этому зелью я даже и не видываль: за вино, кажись, отца родного готовъ продать. Наконецъ доигрался таки: чѣмъ бы домой идти, какъ всѣ другіе,—въ дисциплинарный (баталіонъ) угодилъ за кражу въ лагеряхъ; да еще у своего хозяина... это ужъ самое послѣднее дѣло»...

«А вѣдь въ одинъ годъ и новобранцами были,—шустрый такой былъ; вотъ тебѣ и шустрый!.. Вѣдь унтеромъ былъ, да разжаловали за разныя художества... Я вотъ теперъ, къ примѣру, старшій унтеръ-офицеръ буду; и всякій, значить, можетъ въ деревнѣ видѣть, что я служилъ Царю-Отечеству какъ нужно... А онъ?.. Охъ, хо-хо», — вздохнулъ Кокуринъ, — «одно горе: отецъ съ матерью, старики, ждуть—пождутъ, да не дождутся... Не мало и поплачутъ; да и передъ сосѣдами стыдъ: всѣ пришли,—и которые даже съ отличіями, — а ихъ Васенька за отличіе то свое еще на сверхсрочную остался въ дисциплинарномъ»...

«А и тянулъ же, стало быть, съ бѣдняковъ послѣднюю нитку: «и на то», — пишетъ, — «нужно; и на это нужно; и начальство-то строгое, и требуютъ-то всего, и казеннаго-то не даютъ ничего»... Ужъ послѣ узнали фокусы-то его... А старики, извѣстно, развѣ знаютъ порядки-то наши? — Думаютъ, что и впрямь нужно: обрываютъ послѣднія крохи, да своему Васенькѣ на винцо посылаютъ... И не мало, чай, онъ этакимъ облыжнымъ манеромъ отъ стариковъ деньжонокъ кровныхъ, — трудовыхъ, потомъ да горбомъ добытыхъ,—повытрясъ... И какъ онъ смѣлъ на начальство такую мараль пушать?»—вскрикнулъ вдругъ громко Кокуринъ.

— «Что вы, Лексѣй Семенычъ?. На кого это вы?» спросилъ сидѣвшій недалеко отъ него землякъ его Осиповъ.

— «А, это ты, Ваня!» опомнился отъ своей задумчивости Кокуринъ... «Ругаю-то, спрашиваешь, кого?—Да все Ваську Сергѣева, что (который) весь нашъ эскадронъ осрамилъ... Вѣдь ты то подумай: грамотный, изъ себя красивый, ловкій на все; а куда угодилъ... Эхъ, парень, парень!.. И возьмемъ теперъ хоть тебя: грамотѣ тебя не учили, однако и худому ты

ничему не обучился; хотъ и простымъ рядовымъ, да чистъ и передъ Богомъ и передъ людьми, — потому службу свою правилъ не хуже грамотнаго. И за всегда батюшка тебя въ примѣръ другимъ ставилъ за твое смиренство, да за богомольность твою: за то, что на дѣло ты первый, и въ церковь Божию первый же просишься бывало; такъ что батюшкѣ даже въ примѣту стала твоя такая усердность къ храму Божию... И никто тебя и въ деревнѣ не можетъ урекнуть за то, что ты не выслужилъ «унтера»: и грамотные то не всѣ унтерами выходятъ; а всякъ сейчасъ по твоему поведению увидить, что ты, значить, тоже въ любви былъ, потому отъ тебя ни пьянства, ни озорства какого никто не увидить»...

— «Нѣтъ, это зачѣмъ-же, коли что не хорошо... не по сердцу это мнѣ николи», — согласился съ нимъ Осиповъ. «Вотъ въ церковь Божию... дѣйствительно»...

— «Да вѣдь и то сказать», — прервалъ его Кокуринъ, — «передъ Богомъ-то унтерствомъ своимъ не вылюдишься, — у Бога всѣ равны... Вотъ хоронили у васъ Крупина (я былъ тогда за старшаго въ командѣ), такъ слышалъ—пѣли: «Царь и воинъ, богатый и убогій въ ровномъ достоинствѣ» передъ Богомъ, и каждый угоденъ или не угоденъ Ему по своимъ дѣламъ»...

Послѣдовало непродолжительное молчаніе.

— «Такъ то, Ваня! Вотъ обживемся мы съ тобой въ нашемъ Поддубьѣ-то, да какъ примется землю кормилицу сохой полосовать, — такъ все едино, что унтеръ, что простой солдатъ.. Тутъ другой простой солдатъ и унтера поучить... А что», — прибавилъ онъ помолчавъ, — «вѣдь чай (не бось) мы съ тобой не забыли эту музыку-то, пахоту то есть?»

Въ отвѣтъ на это Осиповъ только пріятно улыбнулся, да крѣпко покрутилъ рука объ руку, какъ будто собирался сейчасъ же взяться за соху.

— «Косить приходилось», — продолжалъ Кокуринъ, — «а ужъ за соху-то пять лѣтъ не держался; ну да, авось, вспоманемъ свою коренную работу... А покосить, бывало, дорвешься, такъ не скоро отстанешь: таково вольготно на сердцѣ, ровно тебя какъ рыбу изъ ведра въ рѣку пустили... Такой просторъ!.. Такъ бы, кажись, одинъ весь лугъ отхваталъ... Важно!»..

— «Вѣстимо, Лексѣй Семенычъ! Земля на что сподручиће для крестьянина, отъ ей никакъ чевозможно отвыкнуть», — поддакивалъ Осиповъ.

Въ такихъ мирныхъ и интересныхъ для обоихъ земляковъ разговорахъ незамѣтно проходило время.

Вотъ уже и послѣдняя станція предъ городомъ, гдѣ запасныя должны были являться къ воинскому начальнику.

— «Урр-рааа»!.. вдругъ раздались въ углу вагона пьяные крики.

— «Тьфу! Чтобъ имъ пусто было»!.. выбранился Кокуринъ. «Все эти оглашенные Дубахинъ съ Пахомовымъ... Вырвались, и рады ни въсть чему; на каждой почти большой станціи прикладываются къ стаканчику... И откуда только деньгу берутъ?.. Должно (надо быть) отцы на «выходъ» прислали; а они вонъ какой рванью ѣдутъ,—срамъ въ деревню показаться. Чѣмъ бы нарядъ справить, въ глотки свои бездонныя лютъ»...

— «Да вѣдь и то сказать къ примѣру, Лексѣй Семеничъ, — рѣшился высказать и свое соображеніе (мнѣніе) Осиповъ, — «что къ загулу-то пріобывать не хорошо въ крестьянскомъ дѣлѣ, потому некому укротить, не то что на военной службѣ»...

— «Правильно, Ваня, это какъ есть», — одобрилъ Кокуринъ. «Вѣдь и Дубахинъ съ Пахомовымъ развѣ загуливали когда на службѣ-то?.. А вотъ теперь и у меня на нихъ нѣтъ рукъ, сами по себѣ... Теперь отцы имъ начальники; а развѣ отцовъ-то всѣ слушаютъ? Ежели кто въ страхѣ Божьемъ содержитъ себя, тотъ всегда добраго слова послушаетъ; а ужъ никакой отецъ (будь даже самъ распяница) сына своего худому научать не станетъ, а все будетъ наровить какъ-бы на правильный путь наставить»...

Наконецъ свистокъ машиниста возвѣстилъ приближеніе къ городской станціи, гдѣ запасныя должны были высаживаться. Во всѣхъ углахъ зашевелились, собирая свои пожимки...

— «Пожалуйте, кавалеры!» открылъ кондукторъ двери вагона...

И глазамъ «кавалеровъ» представились освещенная платформа конечной станціи.

— «Урраа»! заорали опять не проспавшіеся еще пріатели.

— «Ну, вы... смирно»! не выдержалъ Кокуринъ... «И что вамъ это, ребята, нейметса; только мараль на все наше званіе пушаете», — прибавилъ онъ уже гораздо мягче.

Привыкшіе къ подчиненности Дубахинъ съ Пахомовымъ, при окрикѣ своего бывшего начальника, пріутихли: да и совѣстно имъ стало: Кокурина всѣ солдаты очень любили.

— «Да мы, Лексѣй Семенычъ, ничего; мы вѣдь такъ, по глупости... потому, значить, изъ вагона на воздухъ вышущаютъ»...

— «То-то на воздухъ!.. А съ какими, примѣрно, глазами вы къ ста-

рикамъ своимъ явитесь?» продолжалъ наставлять—по прежней привычкѣ—своихъ младшихъ собратьевъ Кокуринъ. «Что они вамъ на это скажутъ?.. Вѣдь подумаютъ, что васъ хорошему-то на службѣ и не учили, а только пьянствовать научились»...

— «Никакъ нѣтъ, Лексѣй Семенычъ», — отвѣтилъ болѣе смѣлый изъ нихъ Дубахинъ,—мы къ винцу-то и до службы не брезгливы были; а только-что на службѣ, извѣстно, приходилось сдерживаться, потому строго насчетъ этого, сами знаете»...

— «Будьте спокойны, Лексѣй Семенычъ; теперь и пить то не на что: на предпоследней станціи остатнему двугривенному голову сломили», — прибавилъ простоватый Пахомовъ.

Кокуринъ невольно усмѣхнулся.

— «Эхъ вы, ребята, ребята!.. Учить-то васъ теперь некому, а слѣдовало-бъ; потому вы хоть и не худой народъ-то, да пустой, — сами своей пользы не разумѣете: ужъ послѣднее дѣло, ежели у васъ копѣйка въ карманѣ не держится... Какіе-жъ вы послѣ того хозяева будете? — Одно слово, самый необстоятельный народъ»..

Дубахинъ съ Пахомовымъ виновато молчали.. И правда—не худые они были ребята, да мало думали о «завтрашнемъ» днѣ...

— «А вотъ что, родимые, я вамъ на послѣдяхъ скажу», — совсѣмъ вошелъ въ свою прежнюю роль наставника Кокуринъ. «Возьмитесь за умъ, не младенцы, не то что до службы — вѣтеръ въ головѣ — слава Богу по двадцать шесть годовъ каждому».

Сердечное обращеніе и наставленіе Кокурина, повидимому, произвело впечатлѣніе на виноватыхъ; только на долго-ли?.. — Едва-ли, — бываютъ такіе характеры.. А можетъ быть: бываетъ, что случайно даже оброненное слово иногда удерживаетъ отъ преступленія; ксати же сказанное наставленіе и подавно можетъ исправить отъ какой-нибудь слабости. Бываетъ... И дай Богъ, чтобы доброе слово Кокурина не пропало даромъ, — нужно сказать въ отсутствіе Дубихину съ Пахомовыхъ, которые виновато слѣдовали за другими со станціи по направленію къ городу. Жалко хорошихъ людей, пропадающихъ по слабости характера!..

(Продолженіе впрѣдъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЭКЦИКЛОПЕДІЯ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

Родительскій кружокъ при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ организовалъ изъ среды себя редакціонный комитетъ въ числѣ одиннадцати лицъ и поручилъ ему привести въ систему тотъ педагогическій матеріалъ, который накопился у него за пятнадцать лѣтъ существованія, дополнить его недостающими вопросами, составить и издать нѣчто законченное по вопросамъ семейнаго дошкольнаго воспитанія и обученія. Плодомъ работъ кружка явилась программа солиднаго, небывалаго у насъ изданія, приблизительно въ 80 двухлистовыхъ выпусковъ и 18 выпусковъ уже отпечатанныхъ. Самое общее содержаніе вышедшихъ выпусковъ таково: задачи и основа семейнаго воспитанія Основныя начала семейнаго обученія. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. О природѣ дѣтей. Наслѣдственность. О дѣтской подражательности. Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Религіозное воспитаніе въ семьѣ. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. Дѣтскій садъ и огородъ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Игрушки, ихъ значеніе и выборъ. Нормальная дѣтская для дѣтей до трехъ лѣтъ. Искривленіе позвоночника. Семейное воспитаніе въ Финляндіи. Уходъ за зубами.

Въ виду очевидной важности и общепригодности изданія нельзя не пожелать ему самого широкаго распространенія въ просвѣщенныхъ семьяхъ нашего общества. Цѣна на все изданіе назначена не высокая, всего 12 р., при чемъ допускается разсрочка на три года. Подписка принимается въ С. Петербургѣ, Моховая ул., домъ № 1, кв. 6, А. Н. Альмедингену.

Содержаніе. О назначеніи брат. собр. воен. дух-ва на 11-е мая.—(1) сборъ пожертв. въ пользу Общества спасанія на водахъ.— Празднованіе 100-лѣтняго юбилея военно-дух. управл.— Слово въ день 100-лѣтн. юбилея военно-дух. управл.— Освящ. иконъ въ приѣмн. покоѣ.— Поѣздка свящ-ка во Владивостокъ съ новобранцами.— Послѣ службы на родину (разсказъ).— Объявленіе.

Редакторъ, Свящ. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Апрѣля 21 дня 1900 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Владимиръ.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.